

Н. А.
ПОЛЕВОЙ

Николай Алексеевич Полевой

**Невеста Абидосская.
Турецкая повесть Лорда
Байрона. Перевел с
английского Иван Козлов**

«Невѣста Абидосская есть одинъ изъ тѣхъ поэтическихъ цвѣтовъ, которые доставило Европейской Литтературѣ путешествіе Байрона по Греціи и Турціи. Событія, видѣнныя и слышанныя имъ въ сихъ странахъ, видъ богатыхъ картинъ, природы и дикихъ нравовъ обитателей, или гордыхъ въ невѣжествѣ или угнетенныхъ рабствомъ и всегда одушевленныхъ сильными страстями, произвели сильное впечатлѣніе на душу Поэта Британскаго...»

**Николай Алексеевич
Полевой**

Невеста Абидоская.

**Турецкая повесть Лорда
Байрона. Перевелъ съ
Англійскаго Иванъ Козловъ
*Спб. 1826 г. in 8. X и 92 стр.***

Невѣста Абидосская есть одинъ изъ тѣхъ поэтическихъ цвѣтовъ, которые доставило Европейской Литтературѣ путешествіе Байрона по Греціи и Турціи. Событія, видѣнные и слышанныя имъ въ сихъ странахъ, видъ богатыхъ картинъ, природы и дикихъ нравовъ обитателей, или гордыхъ въ невѣжествѣ или угнетенныхъ рабствомъ и всегда одушевленныхъ сильными страстями, произвели сильное впечатлѣніе на душу Поэта Британскаго. Они составляютъ всего болѣе содержаніе Поэмъ Байрона. Не считая мѣлкихъ его стихотвореній, поэмы: *Морской Разбойникъ*, *Гяуръ*, *Осада Коринѳа*, *Парга*, многія мѣста въ *Чайльдъ-Гарольдѣ* и *Донъ Жуанѣ* переносятъ читателей подъ небо Востока, на поля усѣянные развалинами Греціи и затмѣваемыя полумѣсяцомъ Магомета. Поэзія вездѣ сыщеть краски; но тамъ, гдѣ разительныя противоположности разрушаютъ, такъ сказать, обыкновенную жизнь человѣка, тамъ Поэзія глубже заглядываетъ въ сердце человѣческое, изображенія ея дѣлаются ярче

и чувство сильнѣе.

О Байронѣ не лѣзя говорить; какъ о многихъ другихъ поэтахъ: *это сочиненіе его лучше, это хуже!* И мнѣ кажется, каждое сочиненіе Байрона такая драгоценность, что переводъ каждаго изъ нихъ есть обогащеніе для словесности народа, приобретающаго хорошій переводъ котораго нибудь изъ Байроновыхъ сочиненій.

Мы конечно можемъ читать Байрона въ подлинникѣ и въ переводахъ Нѣмецкихъ, Французскихъ; но переводъ на отечественный языкъ освоиваетъ намъ особеннымъ образомъ чужеземное твореніе. Здѣсь вопросъ можно свести, на слѣдующее положеніе: должно-ли каждому народу, имѣть собственную Литтературу? На что желать намъ своихъ Байроновъ, своихъ Гёте и Шекспировъ, если мы также будемъ радоваться, появленію ихъ въ Германіи и въ Англіи, какъ-бы и у насъ въ Россіи! Не тоже-ли въ переводахъ, Англинскій, Французскій переводъ радуется меня; читаю его охотно, но порадуюсь едва-ли не болѣе и не охотнѣе, если увижу переводъ Русскій. Здѣсь какъ будто забываешь,

что великій сочинитель его былъ Англичанинъ, Французъ. Переводчикъ, разумѣется умѣвшій передать его твореніе, дѣлаетъ его мнѣ болѣе близкимъ, роднымъ. Не говорю уже о, множествѣ тѣхъ читателей, которые лишены наслажденія читать, на примѣръ, Байроновы творенія, въ подлинникъ или, по крайней мѣрѣ, въ Нѣмецкомъ переводѣ (Французскій, *прозаическій* переводъ не даетъ понятія о Байронѣ. Это эстампъ съ Рафаэлевой картины). Еще важная заслуга хорошихъ переводовъ: передавая мысли великаго автора, переводчикъ встрѣчаетъ и новыя выраженія. Онъ обогащаетъ воображеніе читателей твореніемъ, а языкъ тѣми способами, какія употребилъ онъ на выраженіе новаго, неизвѣстнаго въ его отечественномъ языкѣ. И гдѣ можно болѣе найти это новое богатство, если не въ твореніяхъ Байрона?

Собственно-Русской публикѣ, Байронъ доннынѣ извѣстенъ былъ только по переводу нѣкоторыхъ мѣлкихъ его твореній и по переводу *Шильонскаго Узника*, Жуковскимъ. О переводахъ Байроновыхъ сочиненій прозою въ Русскихъ Журналахъ, съ Французской про-

зы, упоминать нѣчего: это (съ весьма немногими исключеніями) выродки, которыхъ не долженъ читать тотъ, кто хочетъ имѣть подходящее къ истинному понятію о Байронѣ.

По всему этому, подвигъ Г-на Козлова, кажется мнѣ, весьма важенъ. Переводъ Байровой поэмы, прекрасными Русскими стихами, значительная новость въ Русской Словесности!

Абидосская Невѣста показываетъ намъ неистощимое воображеніе Байрона, силу мыслей его и глубокое чувство Поэзіи. Селимъ, сынъ Абдаллы, Паши Турецкаго, воспитывается въ домѣ Яфара, свирѣпаго дяди своего, который отравилъ нѣкогда Абдаллу и взялъ къ себѣ Селима: всѣ думаютъ, что Селимъ сынъ Яфара. Онъ любитъ Зюлейку, дочь Яфара, и любимъ ею, но эта любовь горитъ въ ихъ душахъ чистымъ пламенемъ. Вдругъ отецъ объявляетъ дочери о намѣреніи своемъ отдать ее за Пашу Османа. Тутъ Селимъ понялъ любовь свою. Напрасно Зюлейка развеселяетъ его, играетъ съ нимъ, подаетъ ему розу и поетъ:

Любовникъ розы, соловей,

Прислалъ тебѣ цвѣтокъ свой ми-
лой;
Онъ станетъ пѣсню своей
Всю ночь плѣнять твой духъ уны-
лой.

Онъ любитъ пѣть во тмѣ ночей
И дышетъ пѣснь его тоскою;
Но съ обнадеженной мечтою,
Споетъ онъ пѣсню веселѣй.

И съ думой тайною моею
Тебя коснется пѣнья сладость,
И напоетъ на сердцѣ радость
Любовникъ розы, соловей.

Селимъ угрюмъ и мраченъ. Онъ проситъ
Зюдейку придти ночью на морской берегъ и
тамъ общаетъ ей открыть все. Въ мрачную
ночь, робкая дѣва является на назначенномъ
мѣстѣ —

И онъ предъ ней въ одеждѣ новой:
Исчезла гордая чалма
И шалью обвита пунцовою
Его молодая голова;
Нѣтъ камней радужнаго цвѣта;
Кинжалъ не блещетъ жемчуго-
мъ,

Но два чеканныхъ пистолета
За пестрымъ, штымъ кушако-
мъ;
И сабля легкая звенѣла,
И тонкій станъ его одѣла
Небрежно сброшенна съ плеча
Изъ бѣлой ткани епанча,
Какую носятъ Кандіоты,
Пускаясь въ буйные налеты;
Не панцырь грудь его хранитъ;
Она подъ сѣткой золотою,
И обувь странная гремитъ
Серебряною чешуею.

Селимъ открываетъ Зюлейкѣ тайну
рожденія своего, которую высказалъ ему
невольникъ Яфара. Онъ зоветъ ее съ собою,
туда, гдѣ ждутъ его товарищи, морскіе раз-
бойники. Зюлейка колеблется; но свиданіе
ихъ открыто измѣною или подозрѣніемъ.
Яфаръ, спѣшитъ на мѣсто свиданія, окружа-
етъ Селима воинами; отчаянное защищеніе
не помогаетъ. Уже товарищи его близко; они
плывутъ, спѣшатъ!

*О! дуй сильнѣе, вѣтръ попутной!
Они спѣшатъ, они гребутъ,
И съ лодки въ море и плывутъ,*

*И сабли блещутъ въ пѣнѣ мутной;
Ихъ дикій взоръ, какъ жаръ го-
ритъ;
Съ одеждъ, съ кудрей вода
бѣжишь,
Вскочили... вскрикнули... срази-
лись:
Кипитъ въ саду шумящій бой...*

Но Селимъ палъ. Зюлейка не слыхала
убійственного выстрѣла; она умерла прежде
его...

*Уже разсвѣтъ: клубятся тучи,
Въ туманъ одѣтъ небесный сводъ;
Полночный бой у шумныхъ водъ
Давно замолкъ, но брегъ зыбучій
Явилъ съ печальною зарей
Слѣды тревоги боевой;
Обломки сабли притупленной,
И мечъ еще окровавленный.
Замѣтно было на пескѣ,
Какъ буйные его топтали,
Какъ руки, роясь, замирали
И подъ кустомъ не вдалекъ
Курился факель обгорѣлый.
Вотъ опрокинутый челнокъ
Волною брошенъ на песокъ,
И епанча изъ ткани бѣлой,*

Въ крови, пробитая свинцомъ,
Виситъ на тростникѣ морскомъ:
И быстрый плескъ волны упорной
Отмыть не можетъ крови чер-
ной;
Но гдѣ-же тотъ, съ чьего плеча
Въ крови упала епанча?
О! если-бъ сердце чье хотѣло
Оплакать горестное тѣло,
Пускай его, пусть ищетъ тамъ,
Гдѣ море и кипитъ и блещетъ
И подъ скалой Сигейской пле-
щетъ,
Стремясь къ Лемносскимъ бере-
гамъ;
Надъ нимъ морскія птицы вьют-
ся,
Ужъ хладный трупъ клевать
несутся,
И онъ безчувственный плыветъ
По произволу бурныхъ водъ,

Вотъ основа Поэмы, переводомъ которой Г. Козловъ обогатилъ нашу Словесность. Отсылаемъ читателей къ самой Поэмѣ, когда хотятъ они узнать подробности Байронова разсказа. Краткія выписки не могутъ дать о нихъ понятія. Мы увѣрены, что прекрасные стихи

Русскаго переводчика доставятъ наслажденіе уму и сердцу читателей. Какъ Поэтъ и какъ Стихотворецъ, Г-нъ Козловъ заслуживаетъ почетное мѣсто на нашемъ Парнасѣ. Не только новый трудъ его, но поэма *Чернецъ*, мѣлкія стихотворенія и переводы, помѣщенныя въ разныхъ Журналахъ и Альманахахъ доказывающихъ это неоспоримо.

Но если спросятъ меня: даетъ-ли переводу Г-на Козлова вѣрное понятіе о стихахъ и выраженіи Байрона? признаюсь: этотъ вопросъ затруднителенъ. Если обязанность переводчика такова, что онъ долженъ передать всю силу, всю прелесть подлинника, дать отчетъ за всѣ красоты его, то переводъ Абидосской Невѣсты не выдержитъ строгой критики. Повторяю, что Русскіе стихи прекрасны; но въ нихъ нѣтъ мужественной силы, *нѣтъ выраженія Байронова*. Они кажутся мнѣ слишкомъ цвѣтны, слишкомъ обременены словами противъ подлинника. Сличимъ, для примѣра, первый стансъ поэмы. Вотъ начало подлинника:

*Know ye the land where the cypress
and myrtle*

*Are emblems of deeds that are done
in their clime?*

*Where the rage of the vulture, the
love of the turtle,*

*Now melt into sorrow, now madden
to crime?*

Какая полнота и краткость въ описаніи страны? въ которую Байронъ помѣщаетъ дѣйствіе своей Поэмы. Вотъ переводъ:

*Кто знаетъ край далекій и пре-
красный,*

*Гдѣ кипарисъ и томный миртъ
цвѣтутъ,*

*И гдѣ они во знаменье растушъ
Суровыхъ дѣлъ и нѣги сладо-
страстной?*

*Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буй-
ностью близка,*

*Вдругъ ястребъ тихъ, а горлица
дика?*

Здѣсь много лишняго и мысль Байрона растянута. Байронъ только намекаетъ на то, что Переводчикъ подробно высказываетъ. Байронъ, указывая вамъ на кипарисъ и миртъ, спрашиваетъ: «Знаете-ли вы страну, гдѣ кипарисъ и миртъ, эмблеммы событій

тамъ совершившихся?» Это два первые стиха Байрона. Онъ не называетъ страны, о которой хочетъ говорить, *далекою, прекрасною*, мирта *томнымъ* (прилагательное несвойственное дереву, притомъ и кипарисъ не можетъ *цвѣсть*) и вѣроятно: кипарисъ и миртъ онъ не хотѣлъ назвать эмблемами *суровыхъ дѣлъ и нѣги сладострастной*. Кипарисъ есть эмблема тишины гроба, а миртъ счастія любви: смерть и любовь, какое разительное соединеніе понятій! Положимъ, что *нѣга сладострастная* можетъ выразить любовь, но *суровыя дѣла*, не точно и не вѣрно выражаютъ мысль Байрона. И къ чему всѣ эти подробныя объясненія? Для описаній будетъ мѣсто послѣ. Переходимъ къ двумъ другимъ стихамъ Байрона. «Гдѣ (продолжаетъ онъ) бѣшенство ястреба и любовь горлицы, то сливаются (стапливаются) въ грусти, то влекутъ (вводятъ) въ преступленіе?» Впрочемъ, здѣсь весьма трудно передать точный смыслъ подлинника (*Now melt into sorrow, now madden to crime*). Переводчикъ замѣняетъ все это словами: *Гдѣ нѣжность чувствъ съ ихъ буйностью близка*; совсѣмъ не то! Далѣе, отдѣливъ этотъ

стихъ отъ сравненія съ горлицею и ястребомъ, онъ переставляетъ смыслъ подлинника, отдѣльно изображаетъ сихъ птицъ (*гдѣ ястребъ тихъ, а горлица дика*), какъ будто Байронъ хотѣлъ изобразить состояніе сихъ птицъ, въ то время, какъ у Байрона онѣ представляютъ только новую эмблему, въ дополненіе первой, кипариса и мирта. Во Французскомъ переводѣ такая-же перестановка, смыслъ подлинника совсѣмъ потерянь: *La tourtrrelle y fait entendre ses roucoulemens melancoliques et le vautour y exerce ses brigandages cruels*. Подумаете, читая это, что вамъ попалась какая нибудь Фонтенелева идиллія. И къ чему тутъ: *ястребъ тѣхъ, а горлица дика*? Я не вижу никакой послѣдовательности идей.

*Know ye the land of the cedar and
vine
Where the flowers ever blossom, the
beam ever spine;
Where the light wings of Zephyr,
oppressed with perfume
Wax faint o'er the gardens of Gul in
her bloom;
Where the citron and olive are fairest*

*of fruit,
And the voice of the nightingale never
is mute;
Where the tints of the earth, and the
hues of the sky,
In colour though varied, in beauty
may vie,
And the purple of Ocean is deepest in
die;
Where the virgins are soft as the
roses they twine,
And all, save the spirit of mad, is
divine?*

Ни слова о роскоши описанія, что стихъ; то картина очаровательная. Мы повѣримъ ихъ по слѣдамъ Переводчика. Онъ повторяетъ вопросъ: *Кто знаетъ край*; такъ и у Байрона.

*Кто знаетъ рай, гдѣ небо гоубое
Безоблачно, какъ счастье молодое
Гдѣ кедръ шумитъ и вѣтся вино-
градъ.*

Прекрасные стихи, но опять прибавки. Что говоритъ Байронъ? «Знаете-ли вы страну кедровъ и виноградниковъ, гдѣ всегда цвѣтутъ цвѣты, всегда свѣтлое небо,» *Небо безоблачно, какъ молодое счастье*, лишнее, и слова: «Гдѣ

кедръ шумитъ и вѣтѣя виноградъ,» не замѣняютъ простыхъ, но сильныхъ словъ: *Theand of the cedar and vine* (земля кедровъ и виноградниковъ). Слѣдующій за тѣмъ стихъ: *Where the light wings of Zephyr, oppressed with perfume,* замѣненъ прелестными стихами:

*Гдѣ вѣтерокъ, носящій ароматъ,
Подъ ношею въ эфирѣ утопаетъ,*

но эѳира у Байрона нѣтъ и притомъ, этотъ стихъ сливается у него съ слѣдующимъ стихомъ: «Гдѣ легкія крылья зефира, обремененнаго ароматами, лѣниво скользятъ между цвѣтами въ садахъ розъ.» У Переводчика другая половина картины отдѣлена совершенно и соединена съ послѣдующими:

*Во всей красѣ, гдѣ роза
разцвѣтаетъ,
Гдѣ сладостна олива и лимонъ,
И лугъ всегда цвѣтами испещрѣнъ
И соловей въ лѣсахъ не умолкаетъ?*

Прилагательное: *сладостна*, едва-ли годится для оливы и лимона. Байронъ говоритъ: «Гдѣ лимонъ и олива, прекраснѣйшіе изъ пло-

довъ.» Слѣдующимъ за тѣмъ стихомъ Переводчикъ конечно замѣнилъ пропущенное имъ прежде: *Where the flowers ever blossom.*

Четвертый стихъ переданъ вѣрно и хорошо. Но въ слѣдующихъ за тѣмъ стихахъ, Переводчикъ отстаетъ отъ подлинника —

*Гдѣ дивно всё, видъ роцей и полянъ,
Лазурный сводъ и радужный туманъ,
И пурпуромъ блестящій океанъ?*

Здѣсь можно замѣтить неровность и ее зная подлинника. Что такое: видъ *полянъ и радужный туманъ? Лазурный сводъ* не будетъ-ли повтореніе уже сказаннаго въ первомъ стихѣ Русскаго перевода: *небо голубое?* Правда и то, что здѣсь Байронъ, владѣвшій отечественнымъ языкомъ въ удивительномъ совершенствѣ, опять чрезвычайно труденъ для перевода. Онъ продолжаетъ описаніе земли, «гдѣ цвѣты земли и цвѣты неба различны въ краскахъ и соперничаютъ въ красотѣ и гдѣ пурпуръ океана самага густаго цвѣта.» Поэтъ продолжаетъ изображеніе и вопросы свои. Переводчикъ начинаетъ говорить здѣсь уже

повѣствовательнымъ образомъ и отъ того картина земли остается недорисованною. «Гдѣ дѣвы (говоритъ Байронъ) милы какъ розы, завитыя въ ихъ волосахъ (as the roses they twine) и все, кромѣ нравовъ мужей, божественно (is divine)?» Здѣсь Поэтъ, какъ будто съ уныніемъ, узнаетъ описанную имъ землю: *Это востокъ, это земля солнца!*

*'Tis the clime of the east; 'tis the land
of the Sun —*

Печальная мысль является въ его стихахъ, тѣнью на блестящей картинѣ!

*Can he smile on such deeds as his
children have done?*

«Можетъ-ли она улыбаться дѣяніямъ дѣтей своихъ?» И Поэтъ прибавляетъ; «Ахъ! дики, какъ звуки прощанья любовниковъ, сердца ихъ и повѣсти, которыя они рассказываютъ!» —

*Oh! wild as the accents of lovers'
farewell
Are the hearts which they bear, and
the tales which they tell.*

Мы разбирали подробно стихи Байрона, желая показать, особенно юнымъ соотечественникамъ нашимъ, какой строгій судъ можетъ выдерживать Байронъ, какъ онъ отчетистъ въ каждомъ словѣ, какъ мастерски обрисовываетъ свои переходы чувствъ и мыслей! Мы видѣли, что не смотря на вставочныя слова и прилагательныя, Переводчикъ не передалъ вполнѣ силы стиховъ Байрона, когда Байронъ, кажется, скупится на слова. Въ окончаніи сего станса, отступивъ отъ порядка Байроновыхъ стиховъ, Переводчикъ совсѣмъ отступилъ отъ подлиннаго смысла ихъ и точности. Вотъ стихи его, послѣ словъ: *И пурпуромъ блестящій океанъ* —

*И дѣвы тамъ свѣжѣ розъ души-
стыхъ,
Разбросанныхъ въ ихъ локонахъ
волнистыхъ,
Тотъ край Востокъ, то солнца
сторона!
Въ ней дышетъ все божественной
красою
Но люди тамъ съ безжалостной
душою;
Земля какъ рай. Увы! зачѣмъ она,*

Прекрасная, злодѣямъ предана!
Въ ихъ сердцѣ мечь, ихъ повѣсти
печальны,
Какъ стонъ любви, какъ поцѣлуй
прощальный.

Девять стиховъ на шесть Байроновыхъ. Земля, какъ рай, прекрасная! Увы! зачѣмъ она предана злодѣямъ! Байронъ этого не говорилъ и не сказалъ-бы. Далѣе: люди съ безжалостной душою, у которыхъ въ сердцѣ мечь. Во первыхъ, къ чему шутъ мечь? и притомъ выражаетъ-ли это: – are the hearts which they hear – дики сердца ихъ? Какъ хорошо потомъ идетъ прилагательное wild къ звукамъ прощаній любовниковъ и уподобленіе съ сими дикими звуками повѣстей Востока! Послѣдняго не замѣтилъ Переводчикъ называя повѣсти Востока печальными, какъ стонъ любви и поцѣлуй прощальный, ибо стонъ любви не всегда бываетъ печалень, а просто поцѣлуй прощальный, можетъ еще порадовать, если это не the accents of lovers' farewell.

Возьмемъ для примѣра еще стансъ, въ которомъ находилось-бы описаніе дѣйствія или собственно повѣствованіе. Вотъ IX й, изъ пер-

вой пѣсни. Зюлейка и Селимъ слышали волю Яфара. Селимъ сидитъ подѣ окномъ: передъ нимъ войска Яфара, предводимыя самимъ Пашою, занимаются военнымъ ученъемъ.

*His head was leant upon his hand,
His eye looked o'er the dark blue
water
That swiftly glides and gently swells
Between the winding Daidanelles;
И подгорюнясь, думы полный,
На синія морскія волны
Угрюмый юноша взиралъ:
Межъ Дарданеллъ онѣ сверкали,
Струились тихо и плескали
Въ излучинахъ прибрежныхъ
скаль.*

Это передано довольно хорошо, только прилагательныя: *думы полный* и *угрюмый*, опять лишнія. У Байрона: Селимъ «склонивъ голову на руку, смотрѣлъ на синія волны моря, которыя (*не струились тихо и плескали въ излучинахъ прибрежныхъ скаль*), но (*swiftly glides and gently swells*) быстро текли и тихо вздымались въ проливѣ Дарданелльскомъ.» Картина съ природы (у Переводчика, размножены подробности и живопись сдѣлалась

*But yet he saw nor sea nor strand,
 Nor even his Pacha's turbaned band
 Mix in the game of mimic slaughter
 Careering cleave the folded felt
 With sabre stroke right sharply dealt;*
 Но онъ, унылый, не видалъ
 Ни моря съ синими волнами,
 Ни поля съ дальними холмами,
 Ни чалмоносцовъ удалыхъ,
 Стремящихся, передъ пашою,
 Шумъ грозный съчей роковыхъ
 Представить бранною игрою;
 Не видитъ онъ, какъ къ облакамъ
 Ихъ кони вихремъ прахъ
 взвѣвають,
 Какъ сабли острия мелькаютъ,
 И какъ съ размаха пополамъ
 Чалмы двойныя разсѣкаютъ.

Видалъ и бранная игра, здѣсь ошибки противъ языка; всѣ другія курсивомъ напечатанные слова не нужны. У Байрона: «Но онъ не видитъ ни моря, ни прибрежныхъ скалъ, ни даже чалмоносного войска Паши, представляющаго примѣрную битву, воиновъ, на всемъ скаку разсѣкающихъ сложенный войлокъ

(Это одна изъ воинскихъ экзерцицій Турковъ. Ихъ острыя сабли разсѣкаютъ войлокъ сложенный въ два, три раза. „Только ихъ сабли (прибавляетъ, въ примѣчаніи, Байронъ) могутъ разсѣкать его съ одного взмаха.“)».

*Nor marked the javelin-darting
Crowd,
Nor heard their Ollahs wild and loud*
—
*He thought but of old Giaffirs
daughter!*

«Не замѣчаетъ бросанія копей, не слышитъ дикаго и громкаго крика: *Оллахъ!* Онъ думаетъ только о дочери стараго Яфара!» Переводъ Г-на Козлова:

*Не слышитъ онъ, какъ громкій
крикъ
За свистомъ дротиковъ несётся,
И какъ въ долину раздаётся:
Олахъ! олахъ! ихъ дикій кликъ:
Душа полна мечтой одною,
Яфара дочерью молодою.*

Скажутъ: «Передать всю силу подлинника не возможно!» Отчасти съ этимъ соглашаюсь; но Жуковскій умѣлъ однакожь, переводя *Ши-*

льонскаго Узника, сдѣлать это возможнымъ? Представляю его трудъ, какъ образецъ переводовъ и слѣдовательно, имѣю право сказать: переводить Байрона въ полной его силѣ, блескѣ и величїи можно, только трудно; но тѣмъ славнѣе подвигъ.

П.

«Московскій Телеграфъ», No 12, 1826